

Александр КОСТЕРЕВ

ДНЕВНИК МАРИНЫ МНИШЕК

Историческое эссе

*«Расскажите нам какие-нибудь подробности о ней:
ведь не с неба же она свалилась
и не улетела же вместе с безнравственной птицей»
А.И. Герцен, «Сорока-воровка»*

Смутное время на рубеже XVI-XVII веков — безумный вихрь событий, охвативший пространство Восточной Европы, — причудливо тасовало на политической сцене «колоду» незаурядных личностей и авантюристов всех мастей, представлявших в первую очередь свои корыстные интересы, прикрытые фиговым листком геополитических устремлений Польши (Речи Посполитой), Литвы, Швеции, Австрии и других европейских стран.

Польша начала XVII века кипела «тревогою бранной»: восстания дворянства против короля и сената, войны со Швецией, с татарами, с турками, с казаками, не давали ей ни минуты покоя, а необузданная и горделивая польская шляхта не опускала кровавого меча. С появлением самозванцев (явление не новое для просвещенной Европы) в нашем отечестве, ей открылся еще более обширный театр приложения своих военных амбиций: паны коршунами слетались в Россию сначала по горячим следам Дмитрия I, потом за Тушинским Вором, затем вместе с Сигизмундом III под гордыми заменами Жолкевского, Струся, Рожинского, Лисовского, Сапеги и других польско-литовских предводителей.

На фоне бесконечного калейдоскопа мужчин, алчущих денег и власти, особняком стоит фигура единственной женщины, по стечению обстоятельств вовлеченной в перипетии событий смутного времени — Марины Мнишек (Мнишковны), помазанной на царствие в качестве московской царицы.

Так кем же на самом деле была Марина Мнишек, представленная авторами многочисленных поэтических и прозаических произведений в обличье романтической дивы? Выяснить ее подлинную роль помогут архивные документы и дневниковые записи их участников, например, польская рукопись за номером 1633, которая бережно хранится в Краковском музее князей Чарторыйских, широко известная под названием «Дневника Марины Мнишек». Безусловно, Марина не вела дневников собственноручно, а документы составлялись приближенными знатных особ: один из которых состоял в свите Марины (возможно, это был ее гофмейстер Мартин Стадницкий), другой (Рожнятовский в свите воеводы Юрия Мнишека), третий — при польских посланцах Олесницком и Гонсевском.

Однако не меньший интерес для исследователей представляют письма Марины, с помощью которых мы реконструируем (с известной долей достоверности) характер нашей героини и ее место в координатах исторических событий, случившихся в период ее пребывания в России в 1606-1615 годах.

ЯСНЕВЕЛЬМОЖНАЯ ПАННА МАРИНА МНИШКОВНА С ВЕЛИКИХ КОНЧИЦ

Марина родилась, вероятнее всего, в 1588 или 1589 году, а детство и юность провела в изысканной обстановке воеводского замка своего отца Юрия Мнишека.

Прелестная и знатная полька, сумевшая предпочесть множеству красивых магнатов, просивших ее руки — невзрачного соискателя русского престола, — именно в таких выражениях восторгались Мариной современные историки и литераторы. Однако в архивах не сохранилось документов, предоставляющих достаточных свидетельств такой лестной оценки.

На портрете неизвестного польского художника, хранящемся в Коломенском кремле и датированном 1609 годом, Марина изображена в роскошном платье с большими испанскими брыжами по тогдашней моде, с золотым венцом на голове, украшенном жемчугом и с жемчужным ожерельем на шее.

Внешне Марина была похожа на воеводу-отца: тот же высокий лоб, ястребиный нос, острый подбородок; ироничный жестокий взгляд; тонкий рот и плотно сжатые губы, вовсе не созданные для чувственного влечения, скорее неприятно дополняли от-

цовские черты внутренними следами потрясений, которые выпали на ее долю в России.

Достоверно неизвестно, как возник чудесный роман с Лжедмитрием: «Усмотрили есмь и улюбили себе ясновельможную панну Марину с Великихъ Кончиць Мнишковну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Лвовскую, Самборскую, Меденицкую» [11, с. 5], который лучше всякой иной комбинации должен был осуществить на деле мечты ее отца — самборского воеводы — и дать его надеждам на богатство и территориальные приобретения хотя бы иллюзорные гарантии.

Наименее вероятно, учитывая заурядные внешние данные претендента и набожность Марины, что интерес к Лжедмитрию проявляла не она сама, а его активно подогревал честолюбивый Юрий Мнишек.

Партия воцарения «чудом спасенного царевича Дмитрия» имела многочисленных сторонников не только в сопредельных с Россией европейских государствах, но и княжествах смоленском и северском, в которых издавна существовали близкие экономические связи местных бояр с польскими шляхтичами, жившими в соседних воеводствах Речи Посполитой. Тайнственный юноша, принявший на себя роль убитого Дмитрия, появился сначала в Киеве в 1601 году в качестве чернеца в Печерском монастыре, потом на дворе у князя Острожского, киевского воеводы [10, с.26].

В 1602 году «сын царя Московского Иоанна Мучителя, удивительным образом избегнув тиранских рук властолюбивого Бориса Годунова», явился в Брагине, у князя Адама Вишневецкого. «Пан воевода Сендомирский Мнишек, взяв его на свое попечение, обещал ему дочь свою Марину в супружество, и в последствии, не на радость себе, сдержал свое слово» [8, с.14]. Расчетливый Мнишек, стараясь привлечь на свою сторону Сигизмунда III и польскую знать, решился на отчаянную попытку — поддержать притязания Дмитрия I на царский престол, перед которой ранее отступил осторожный Вишневецкий [1, с.128].

Истинный или мнимый, но обращенный в католичество, царевич мог сыграть роль бесценного орудия в большой политической игре Сигизмунда III и римского папы: лишь бы только ему удалось вступить в Москву и короноваться, а следом за ним могли бы проникнуть туда и члены общества иезуитов [1, с. 129].

Чтобы придать задуманному делу легитимный характер, король в феврале 1604 года вступил в официальную переписку с членами польского сейма — сенаторами, предлагая им высказаться публично о рисках задуманного предприятия и той степени поддержки, какую можно и следовало оказать этому искателю приключений: «Сенаторы отвечали королю уклончиво и не решались подсказывать решительных военных мероприятий. Все как бы предчувствовали, что затевается крупная история, а обстоятельства ее были темны» [5, с.7]. По двум существенным вопросам — о подлинности Дмитрия и о предполагаемом участии Польши в его предприятии — король почти единодушно, за исключением двух голосов, получил отрицательные отзывы [1, с.130].

Дмитрий, чтобы подогреть политический интерес и привлечь к делу весомые европейские фигуры, неоднократно публично выказывал решимость принять католичество [1, с.132].

Наконец 15 марта 1604 года претенденту была назначена королевская аудиенция. Связанный «по рукам и ногам» мнением сената, Сигизмунд III давал понять, что он не признает Дмитрия, не направит в Московию ни одного польского солдата, а главное, не нарушит перемирия, ранее заключенного с Годуновым, — но все это он может позволить Мнишку и даже тайно будет поддерживать предприятие [1, с.133].

За обещания поддержки Дмитрий, вступив на царство, предлагал и соглашался: отдать Польше половину земли Смоленской и часть Северской; заключить вечный союз между обоими государствами; разрешить свободный въезд иезуитов в Московию; дозволить строительство католических храмов и, наконец, даже помочь польскому королю вернуть шведский престол. Торжественной клятвой, скрепленной собственноручной записью от 24 мая 1604 года, Дмитрий под страхом анафемы обещал Мнишкеку:

I. Выдать на руки сандомирскому воеводе тотчас же по вступлении на престол «миллион золотых польских» на приданое Марине и на уплату старых и предстоящих впереди долговых обязательств ее отца.

II. Поднести невесте приличествующую ей часть драгоценностей и столового серебра из тех сокровищ, которые хранятся в Кремле.

III. Отправить, в то же время, к польскому королю посольство с целью испросить согласие Его Величества на предполагаемый брак.

IV. Отдать будущей царице в вечное владение Великий Новгород и Псков с правами верховной власти и строительства католических храмов, монастырей и школ; Марина сохраняла этот удел и в том случае, если бы осталась бездетной. В Москве дочь сандомирского воеводы могла свободно исповедовать свою веру; к тому же Дмитрий обещал потрудиться в пользу обращения своих подданных в католичество. В том слу-

чае, если Дмитрий не достигнет престола, за Мариной сохранялось право отвергнуть брачный союз или отложить его осуществление на другое время [6, с.6].

Так расчетливый отец выговорил доли: себе и своей дочери; сохраняя за собой в Смоленском и Северском княжествах ту часть, которая не была обещана королю, он обязал, на тех же потомственных правах, отдать ему взамен соседние области, равные по величине и по доходам тем, которые он мог потерять ради Сигизмунда.

«Нача уготавлиятися со всякими поспехами, яко бы он выиграл Россию»

2 марта 1606 года воевода и Марина с свитой, состоявшей из 1969 лиц при 1961 лошадах, выехали в Москву. «Отъезд из Самбора совершался беспечно и радостно. Ехали на свадьбу, на праздник, и предвидели только увеселения» [5, с.47].

Юрий Мнишек прибыл в Москву заранее — 5 мая, а Марина — только 12 мая, проживая неделю в Вязоме близ Москвы у царицы Марфы, матери Дмитрия [9, с.3].

5 мая воевода представлялся Димитрию, а будущая царица, пока готовилась торжественная церемония встречи в Москве, «нача уготавлиятися со всякими поспехами, яко бы он выиграл Россию», принимала драгоценные подарки, перечень которых сохранила история: восемь драгоценных ожерелий, отрезы самой лучшей парчи, табун превосходных лошадей, из которых до 80 она раздарила своим дворянам и слугам, пять огромных бокалов, пять сороков соболей [8, с.145-147].

13 мая утром в присутствии московских сенаторов, поздравляя царя с титулом полного государя и с будущим браком, Мартин Стадницкий, как гофмейстер будущей царицы, приветствовал Димитрия от польского двора словами: «Отныне не будет притворной дружбы между обоими народами, между Русскими и Поляками; не станем с варварским жестокосердием проливать кровь свою; соединим общие силы и с Божеею помощью, обратим их против неверных. Этого ждут с нетерпением все народы христианские», [8, с.148].

15 мая Димитрий выдал Юрию Мнишеку — 100000 золотых, велел отослать их в Польшу на уплату долгов. Того же дня во втором часу ночи Марина переехала в царский дворец, в карете, избрав ночное время, во избежание волнений и давки, так свойственной публичным мероприятиям [8, с.156].

18 мая Марина была коронована с миропомазанием, по греческому обряду. По окончании литургии, брак был подтвержден, и молодые обменялись перстнями. Наконец все бывшие на лице бояре и сенаторы присягали, «скрывая в душе вероломство: их впускали в церковь по порядку» [8, с.157]. Неделю после коронации продолжались торжества, обеда, обмен подарками и любезностями, но к ночи на 25 мая жители московские стали собираться группами на улицах и во дворах, обнаруживая недоброжелательность к полякам и проявляя злобу. «Донесли о том царю, предостерегая его от мятежа, о котором явно говорили. Но он такого был духа, что ничего не хотел слышать, а доносчиков велел наказать. Опасаясь подобной награды, другие молчали о том, что видели» [2, с.160].

Мятеж Шуйского. Ярославское пленение поляков. Мирный договор

25 мая, в день Божиего Тела, волнение ненадолго затихло, но только для того, чтобы усыпить бдительность поляков. «Москвитяне жаловались царю, что один поляк изнасиловал на дороге боярскую дочь. Поляка привели к пытке: он не признался. Донос был ложный: Москвитяне взводили на бедняка напраслину, для того чтобы не дать царю времени заметить их волнение и принять строгие меры» [2, с.160].

27 мая вспыхнул заранее спланированный бунт сторонников князя Василия Ивановича Шуйского, который уже 29 мая был избран царем небольшой группой приближенных бояр, а народу было объявлено о восшествии его на престол.

По Москве разползлись слухи об убиении царя Димитрия I.

Новый царь не замедлил прислать к воеводе Мнишеку уверения в личной безопасности царицы и ее приближенных. 31 мая при воеводе приказано оставить на Москве до 300 человек, включая панскую и царицыну челядь, остальные поляки отправлены к границе.

9 июня воевода был вызван во дворец для обсуждения ситуации с думными боярами, которые возлагали ответственность за возникновение мятежа и последовавшее за ним кровопролитие на поляков и воеводу как главного виновника пришествия на Москву вероломного обманщика Димитрия. После оправдательной речи воевода был отпущен боярами со словами: «Господин воевода! Благодарим Бога за чудесное спасение твое; без Его благодати не миновать бы и тебе того же, что было с Расстригою» [8, с.170].

11 июня коронация нового царя совершилась без пышных обрядов, в присутствии простого люда и некоторых ближних бояр, а 12 июня в Москву было доставлено мерт-

вое тело, якобы царевича Димитрия, убитого 20 лет назад по приказанию Бориса. 13 июня поставили его с великолепными обрядами в церкви, где погребаются московские цари.

16 августа приказано пану воеводе готовиться к отъезду в Ярославль с царицею дочерью его, с паном старостою Красноставским и сыном его, с старостами Луковским и Саноцким, [8, с.179].

«26 августа, приготовляясь к выезду, — читаем в польском дневнике, — мы пересмотрели все вещи по реестру, составленному после мятежа, и внесли в него имена всех господ и служителей их. Сверх того, записали 58 шляхтичей и купцов, забранных во время бунта в так называемом Глинском дворе. Всех нас было, не исключая благородных женщин и царицыных фрейлин, 375 человек. Нас отправили того же дня под вечер, при 300 стрельцах» [8, с.179].

После завершения мятежа польских пленных разослали в разные города: князя Вишневецкого — в Кострому, Стадницких — в Ростов, Тарло и других — в Тверь, воеводу с дочерью Мариной Мнишек — в Ярославль в сопровождении свиты и прислуги [9, с.5]. 4 сентября 1606 царский кортеж переправился чрез реку Которосль и достиг предместья Ярославля, в котором продолжалось почти двухлетнее пленение поляков. Документальных свидетельств о какой-либо активной роли Марины Мнишек в этот период не сохранилось.

Спустя год в августе 1607 года до сидельцев, которые уже продавали ценные вещи для покупки еды, донеслись слухи, что их, вероятнее всего, уморят голодом, в отместку полякам, вторгнувшимся в Россию и опустошившим окрестности Смоленска [8, с.193].

Однако 9 декабря 1607 года ярославские сидельцы узнали, что Шуйским был принят польский посол, который во время аудиенции потребовал ответа, для чего он без всякой вины так долго держит в неволе королевского посла, сенатора воеводу и многих других знатных особ? Посол представлял ситуацию в благожелательном для Польши свете, заявляя, что поляки приехали в Россию не грабить, не воевать, а привезли законному государю супругу, о которой он просил у короля и Речи Посполитой, желая заключить между обоими народами вечную дружбу. Царь и думные бояре отвечали, что воевода с поляками приехали не к истинному русскому государю, а к расстриге, губителю отечества своего, получившему должное возмездие. Посол, выстроив защиту на том неоспоримом факте, что русские сами признали Дмитрия своим государем и короновали, заявил: «Как бы то ни было, вы покрыли себя стыдом и бесславием пред всем светом. И если ты, продолжал он, обращаясь к царю, не отправишь ныне же всех Поляков в отечество, и притом не оборванными, как прежде ты выпустил других, то государь мой приказал отдать тебе сей меч и объявить войну» [8, с.198]. Царь, приняв меч, повелел польского посла задержать, приставив к нему крепкую стражу, а русско-го посла отправить в Польшу для решения спорных вопросов.

Марина – Стадницкому (сентябрь 1609 года):

«Благодарю за добрые желания и советы; но правосудие Всевышнего не даст злодею моему, Шуйскому, насладиться плодом вероломства. Кому Бог единожды дает величие, тот уже никогда не лишается того блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмеваемому на час облаками» [11, с.38].

В середине мая 1608 года Шуйский, находясь в затруднительном военном положении, радикально изменил тактику своего поведения относительно пленных поляков. Московские бояре продолжали выдвигать всевозможные обвинения, которые польским послам приходилось опровергать постатейно, однако 27 мая 1608 года, было, наконец, заключено перемирие между Польшей и Москвой, согласно которому стороны обязались в течение трех лет и одиннадцати месяцев воздержаться от враждебных действий. Шуйский обещал освободить поляков, задержанных в Москве, и не позже 8-го октября 1608 года доставить их к границе Речи Посполитой; а Юрий Мнишек обещал, «что не будет называть второго самозванца, который уже явился к тому времени, своим зятем, что не выдаст за него замуж свою дочь и что Марина не будет величаться титулом московской царицы» [10, с.79].

Польской стороне также вменялось в обязанность отозвать «князей Романа Рожинского и Адама Вишневецкого», иных вельмож и ротмистров польских и литовских, которые состояли на службе у Димитрия II, а впредь наблюдать за тем, чтобы его подданные как можно точнее придерживались условий заключенного перемирия. Скрепив этот трактат присягой, польские послы отправили к князю Рожинскому грамоту с возванием к нему и иным полякам, находящимся в Тушине, чтобы те как можно скорее вышли из пределов Московского государства и дальнейшим покровительством самозванцу не нарушали ни этого договора, ни «правил, выработанных в сеймовых

конституциях с соседями против нарушителей договора» [10, с.80].

Однако в тушинском лагере Лжедмитрия II остались не только ране прибывшие поляки, но и постоянно прибывали новые весьма многочисленные отряды «охотников за удачей». «Эта война была так счастлива, — писал участник московских событий Мархоцкий, — что редко проходили четверть года или месяц, в течение которых не прибыло бы тысячи из Москвы или по крайней мере нескольких сот человек из Польши» [10, с.81].

Однако, как бы плохо ни исполнялся договор, Марина получила возможность возвратиться на родину: Шуйский выпустил из Москвы польских послов, Марину и Юрия Мнишеков, князя Вишневецкого, других наиболее знатных поляков. Имея основательные причины бояться, что освобожденные направятся в лагерь самозванца и таким образом усилят его армию, Шуйский приставил к полякам стражу, состоящую из 500 всадников, с наставлением двигаться к границе окольным трактом, стремясь миновать местности, население которых уже поколебалось в приверженности Шуйскому, либо открыто перешло на сторону Дмитрия II [10, с.93].

«МЫ ЖАЛУЕМ В ЦАРИ МОСКОВСКИЕ, КОГО ХОТИМ»

Ян Петр Сапега — новый искатель русских земель, прибывший в Тушино с семитысячным отрядом, бесстыдно и самодовольно утверждал: «Мы жалуем в цари Московские, кого хотим» [3, с.26]; и в июле-августе 1607 года «вместо убитого царя Московского Дмитрия явился другой Дмитрия II и распустил молву, что он тот самый царь Московский, которого москвитяне, призвав в столицу и короновав, хотели убить; но что он с помощью Божию спасся от смерти» [8, с.21].

«Этого Дмитрия, — писал в дневнике Маскевич, — воскресил Меховецкий, который, зная все дела и обыкновения первого Дмитрия, заставлял второго плясать по своей дудке» [8, с.21].

Лжедмитрий II, получив известие о выезде из России партии польских пленнх и надеясь, что публичное его признание Мариной в качестве законного супруга укрепит веру подданных в его царское происхождение, решил любой ценой заручить беглянку в Тушино и немедленно снарядил погоню. Один из посланных отрядов под начальством Александра Зборовского и князя Василия Масальского настиг беглецов уже близ польской границы и разгромил сопровождавшую их московскую конницу. «Освобожденные» пленники в сопровождении отряда Лжедмитрия II отправились навстречу находившемуся поблизости усвятскому старосте Сапеге. 31-го августа объединенная процессия двинулась к Москве. «На другой день, — читаем в дневнике Сапеге, — встретил царицу его благородие пан Заблоцкий, посланный от царя с письмами к царице и к пану воеводе, чему царица была очень рада» [10, с.96].

6-го сентября процессия приблизилась к столице. В последние дни этого драматического возвращения на долю Марины выпало горестное разочарование. До сих пор от нее скрывали правду о гибели Дмитрия I, поддерживая в ней уверенность, что ее царственному супругу действительно удалось спастись. Приезд Марины в тушинский лагерь должен был оказать известные услуги не только Мнишкам, делу Дмитрия II, но и честолюбивым замыслам Сигизмунда III. Несомненно, что перед прибытием в Тушино сам отец должен был объяснить ей, в чем дело, и приготовить ее к той роли, которую ей вскоре предстояло играть.

Однако нелегко было склонить дочь воеводы к той роли, которую ей навязывал отец и окружение; и когда она подъезжала к столице, то не хотела ехать в «царский» лагерь и остановилась вместе с Сапегой над рекой Москвой на расстоянии версты от Тушина.

Марина — Сигизмунду III (октябрь 1609 года):

«Всю надежду возлагаю на Господа Бога, отвечая ему — который защищает обиженных и печется об их защите так, что произнесет вскоре свой приговор этому изменнику и врагу нашему и не даст ему тешиться до конца (нашей) обидой. Счастье не всегда ходит по одному пути; оно не там кончается, откуда начинается; но устраивается так, как сам Бог, в руке которого оно зиждется, направит его. Поэтому мы убеждены, что Он будет печься о том, что у нас есть и что мы получили из рук Его, и, вознаграждая наши скорби, пошлет нам утешение. Солнце не теряет своего блеска оттого, что его иногда закрывают черные тучи. Кого Бог осветит, тот будет несомненно и по праву сиять» [10, с.177].

В тот же день князь Рожинский и именитые воеводы встречали царицу, не столько для того, чтобы приветствовать царицу, сколько исполняя поручение Лжедмитрия II привезти в Тушино отца Марины, с которым самозванец намеревался как можно ско-

рее подписать условия сделки: «Самозванцу пришлось предварительно обещать пану Юрию Мнишеку Северское княжество с 14 городами и 300 тысяч рублей» за обещание содействовать в признании его Мариной в качестве законного супруга и царя [7, с.23].

Марина, уступая требованиям отца, вынуждена была признать Дмитрия своим мужем и осталась в Тушине, но, очевидно, решила на это лишь после долгой внутренней борьбы и очень тяжелых сцен с воеводой. Комедия, вынужденно разыгранная Мариной, благодаря которой многие признали в Лжедмитрии самодержца, послужила к безусловной выгоде самозванца: число беглецов из Москвы в Тушино стало стремительно возрастать за счет боярских детей, стряпчих, дворян, жильцов, дьяков и подьячих, искавших возможности возвыситься любыми средствами. Какова же была истинная жизнь Марины в тушинском лагере?

СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ – ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ

В январе 1609 года Марину покинул отец, по официальной версии отозванный на сейм, созданный для обсуждения московского вопроса в Варшаве, однако уехал он вместе с многочисленными домочадцами и родными, попросившись с дочерью настолько сухо, что одно воспоминание о нем наполняло страданием душу несчастной пленницы. С Мариной в Тушине остался лишь ее брат Станислав и «старая пани Казановская с частью придворных дам [10, с.139].

Марина – отцу Юрию Мнишеку (январь 1609 года):

«Не знаю, что писать к вам в печали, которую имею, как по причине отъезда вашего отсюда, что я осталась в такое время без вас, милостивого государя моего и благодетеля, так и потому, что с вами не так простилась, как проститься хотела, а паче я надеялась и весьма желала, чтобы из уст государя моего батюшки благословение получить, но, видно, я была недостойна. Ныне, чрез сие письмо, припадая к стопам, во-первых, в том прощения со слезами покорнейше прошу, что если я когда-нибудь по неосторожности, с умысла, по глупости, молодости или злости чем-нибудь вас прогневала, благоволили бы, милостивый государь мой батюшка, теперь мне все оное отпустить и послать благословение дочери своей, что я величайшим счастьем почитать буду. Прошу вас, милостивый государь мой батюшка, чтоб я, по милости вашей, могла получить черного бархату узорчатого на летнее платье для поста двадцать локтей, прошу усильно». [11, с.34].

Лжедмитрий после отъезда поляков потребовал немедленного бракосочетания с Мариной, и духовник иезуит тайно обвенчал ее с Лжедмитрием. Марину упрекали в том, что, желая царствовать, она с таким же безрассудством бросилась в объятия второго обманщика, как согласилась на брак с первым Димитрием, которого могла считать истинным. Известным оправданием этого может служить тот факт, что Марина собственными глазами не видела смерти мужа и могла предположить, что ему удалось бежать, пользуясь замешательством. Услышав, что Димитрий жив и стоит во главе значительных войск, она, несомненно, возымела желание присоединиться к нему. А уже по прибытии в лагерь по силам и возможностям ли ей было публично отвернуться от самозванца? Могла ли она в одиночестве отстаивать свои права (что, конечно, было бы честнее и, вероятно, неоднократно приходило ей в голову). Где найти силы, а главное, средства для достижения этого намерения? Где взять войско, которое могло бы победить врагов? От кого ждать помощи и верного совета? Все было в заговоре против нее – и взбунтовавшийся народ, и убежавший отец, и царствующий Шуйский, и Сигизмунд III, преследовавший собственные выгоды. Вероятнее всего, она бросилась туда, где для нее оставался слабый луч надежды.

Марина – Юрию Мнишеку (13 марта 1609 года):

«О делах моих не знаю, что писать, кроме того, что только отлагательства со дня на день, нет ни в чем исполнения; со мною поступают так же, как и при вас, не так, как было обещано при отъезде вашем родительском; о чем я хотела более к вам писать, только господин коморник очень спешит, для того вкратце пишу; своих людей не могу послать, ибо надобно дать на пищу, а я не имею. Помню, милостивый государь мой батюшка, как мы с вами кушали лучших лососей и старое вино пить изволили, а здесь того нет; ежели имеете, покорно прошу прислать» [11, с.36]

В апреле 1609 года Тушинский стан полнился новыми слухами: польский король Сигизмунд III, несмотря на нижайшие просьбы, отказал сендомирскому воеводе в какой бы то ни было помощи, и думая вовсе не о Лжедмитрии, а о собственной пользе

своей, сам собирается идти в Россию — брать Смоленск. Не зная, верить ли случившемуся, Марина пишет отцу.

Марина – Юрию Мнишеку (август 1609 года):

«Исполняя долг мой, никакого случая не оставляю, чтобы письменно не осведомиться о здорovьи вашем; я несколько уже писем к вам послала, на которые никакого, а наипаче в необходимых делах, ответа не получила; некоторые из оных писем я сама писала, что меня весьма удивляет; ибо я, при нынешней печали моей, не зная, какой оборот примет дела российские, ни в чем более не нахожу утешения, кроме как чаще получать письма от вас, государя моего родителя, и из оных радоваться о добром здорovьи и благосостоянии вашем, в том бы полагать свое удовольствие. Я, по милости Божией, теперь нахожусь в добром здорovьи; о будущих же делах российских и о возжеленных успехах дома нашего писать еще нечего, так как оное находится в руках Божиих и Его святого промысла» [11, с.37].

В сентябре 1609 года Сигизмунд уже стоял под Смоленском, а в ноябре дядя Марины Стадницкий, уполномоченный королем, письменно предлагал племяннице отказаться от притязания на русский престол и получить в вознаграждение землю Саноцкую с доходами от Самборской экономии [11, с.38]. Но Марина, оскорбленная таким предложением и общим тоном письма, негодуя на обращение к ней в письме (не царица Московская, а дочь воеводы сендомирского), отвечала:

Марина – Сигизмунду III (15 января 1610 года):

«Ни с кем не играло так счастье, как со мною: из шляхетского рода оно возвысило меня на престол великой Империи — и низвело с престола в мрачную темницу, из-за которой проглянула было обманчивая свобода, но судьба снова ввергла меня еще в пагубнейшую неволю. Теперь, счастье меня оставило, но не лишило права властительского, утвержденного моим царским венчаньем и двукратною присягою всех руссиан. Желаящая Вам всякого блага и успеха Императрица Марина» [11, с.41]

Зимой 1609 года Марина стала свидетельницей попытки польского посольства, прибывшего в Тушино, отвлечь от самозванца тушинских поляков, которым было бы гораздо приличнее служить своему природному государю, чем иноземному искателю приключений [11, с.38]. На стороне Тушинского вора (Лжедмитрия II) оставался — из своей личной выгоды — один Рожинский, да и тот, на вопрос самозванца, о чем идут у них переговоры с послами, бесцеремонно отвечал: «Какое тебе дело до того, зачем послы приехали ко мне? Кто знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим!» Лжедмитрий, опасаясь его выдачи королю, бросился к Марине и со словами: «Гетман выдает меня королю; я должен спастись, — прости!» — переодевшись в крестьянское платье на простых саних бежал в Калугу.

Марина – Юрию Мнишеку (13 января 1610 года):

«Я, несчастная, будучи испытываема от Господа Бога такой заботой, не могу ничего придумать для своего облегчения и ничего хорошего не могу ожидать в таком смятении. Войско не согласно после ухода царя: огни хотят быть при царе, другие — при короле. Если когда-либо мне грозила опасность, так это именно теперь, ибо никто не может указать мне безопасного места для приличного и спокойного жительства, и никто не хочет посоветовать мне что-либо для моего блага. Великий гнев Божий разразился надо мной, неоткуда мне получить здравый совет и помощь, только Всевышнему Богу поручаю себя и жду Его веления, так как тяжелая скорбь моя, должно быть, сведет меня безвременно в могилу, что я предпочитаю злорадству всего мира над моим несчастьем. Поэтому смиренно прошу ваше благородие, милостивый отец и господин мой, похлопотать и позаботиться обо мне, нижайшей слуге вашей, чтобы я впоследствии не причинила еще большей скорби нашему роду» [10, с.179]

После побега Лжедмитрия II Марина, оставалась в лагере на правах пленницы, продолжала сохранять видимое достоинство царицы, а 15 января 1610 года, когда король отозвал польские войска, находившиеся при Дмитрие, и этим коварным шагом ослабил его и подкрепил Шуйского, писала к Сигизмунду:

Марина – Сигизмунду III (15-го января 1610 года):

«Милость Вашего Королевского Величества, столь часто испытанная семьей моей и моей особой, сама налагала на меня обязанность обратиться в моем осиротении к Вашей защите. Но злополучное пленение мое, почти лишившее меня свободной воли, отняло у меня возможность прибегнуть к этому надежнейшему и вернейшему утеше-

нию. Теперь, когда В.К.В-о изволили вступить в пределы Московского государства, со своей стороны я искренно желаю, чтобы добрые замыслы, удачное начало предпринятого дела шло успешно и предприятие окончилось благоприятно. Теперь оно поставило меня в такое положение, что я при своем сане не могу жить спокойно. Приняв все это с благодарностью от Всевышнего, его святому Провидению препоручаю свои дальнейшие дела. А так как В.К.В-о позволили быть причиной и споспешником первого моего счастья, то я возлагаю полную надежду на Господа Бога, что и в этой моей скорби окажете свое милосердие. Всего лишила меня превратная фортуна, одно лишь законное право на московский престол осталось при мне, скрепленное венчанием на царство, утвержденное признанием меня наследницей и двукратной присягой всех государственных московских чинов. Я убеждена, что В.К.В-о после мудрого обсуждения обратите на это внимание и по природной доброте своей примете меня, а семью мою, которая в значительной мере способствовала этому своей кровью, храбростью и средствами, щедро вознаградите. Это будет служить несомненным залогом овладения Московским государством и прикрепления его обеспеченным союзом, с благословенья Божья, которое щедро вознаграждает за справедливость. Желая чего, я препоручаю себя защите и милостивому вниманию В.К.В-а» [10, с.180].

Свое письмо Сигизмунду III Марина, выражая наивную надежду на то, что король придет на помощь ее справедливым притязаниям на русский престол, подписывает: «Желающая Вам всякого блага и успеха Императрица Марина».

Пребывание Марины в Тушине становилось для нее с каждым днем все опаснее, потому что ненавистный ей Рожинский мог, без особенных хлопот, выдать «царицу самозванную» или польскому королю, или русскому правительству, в зависимости от того, кто больше заплатит. Марина принимает решение бежать к мужу, подсылавшему ей и тушинцам из Калуги свои призывные грамоты. Перед отъездом Марина обращается к «воинству», осуждая изменника Рожинского и происки сторонников короля.

Марина – польскому воинству (февраль 1610 года):

«Не могу уже дальше быть к себе жестокой, попрасть, отдать на произвол судьбы и не рдеть о том, что люди добродетельные ставят выше всего, и не уберечь от окончательного несчастья и оскорбления себя и своего сана от тех самых, которым долг повелевает рдеть обо мне и защищать меня. Полно сердце скорбы, что и на доброе имя, и на сан, от Бога данный, покушаются, с бесчестными меня равняли на своих собраниях и банкетах, за кружкой вина и в пьяном виде упоминали. Тревогой смерти полно сердце от угроз, что не только, презирая мой сан, замыслили изменчески выдать меня и куда-то сослать, но и побуждали и которых к покушению на мою жизнь! Подобно тому, как я не могла вынести оскорбление невинности и презрения, так и теперь не попустит Бог, чтобы кто-нибудь частно спекулировал моей особой, изменчески выдавая меня, прислуживаясь, понося меня и мой сан, задумывая увезти меня туда-то и выдать тому-то, ибо никто не имеет никаких законных прав ни на меня, ни на это государство. Теперь, оставшись без родителей, без родственников, без кровных, без друга и без защиты, в скорби и мучении моем, препоручив себя всецело Богу, вынуждена неволей, я должна уехать к своему супругу, чтобы сохранить ненарушенной присягу и доброе имя и хотя бы пожить в спокойствии, отдохнуть в своей скорби, ожидая от Бога – защитника невинности и правосудия – скорейшего решения и указания. Посему объявляю это перед моим Богом, что я уезжаю как для защиты доброго имени, добродетели, сана – ибо, будучи владычицей народов, царицей московской, возвращаться в сословие польской шляхетки и становиться опять подданной не могу, – так и для блага сего воинства, которое, любя добродетель и славу, верно своей присяге» [10, с.185].

Облачившись в казачий воинский наряд, отважная Марина ночью 11 февраля 1610 года, несмотря на трескучий мороз, верхом уносилась вскачь по калужской дороге, сопровождаемая только верным своим коморником и одной служанкою. Между тем, сбившись с пути, беглецы 16 февраля оказались под Дмитровым, возле лагеря Сапеги. Этот враг Рожинского изумился, увидев перед собою жену самозванца и, учитывая критическое положение Марины, советовал ей удалиться к родным в Польшу.

Марина – Сапеге (февраль 1610 года):

«Мне ли, царице всероссийской, в таком презренном виде явиться к родным моим! Я готова разделить с царем все, что Бог ни пошлет ему».

И тут же заказала себе алый бархатный кунтуш, велев купить для нее сапоги со шпорами и приискать пару хороших пистолетов с доброю саблею [11, с.44]. В ответ на

решение Марины, продиктованное не здравым смыслом, но гордостью, Сапега вознамерился извлечь пользу и задержать Марину в своем стане. Ответ Марины был категоричен.

Марина – Сапеге (февраль 1610 года):

«Не бывать тому, чтобы ты из личных выгод стал торговать мною. У меня есть своих 350 донцов. Если дойдет до того, я дам битву» [11, с.44].

Но отъезд в Калугу не мог состояться по другой причине: отряд Скопина-Шуйского осадил Дмитров прежде, чем оттуда успела выехать Марина, и эта осада, ввиду малой численности польского отряда, угрожала для нее большою опасностью. Однако присутствие духа не покидало Марину, которая — по свидетельству очевидцев — появилась в критический момент у крепостного вала и укрепила ослабевших защитников Дмитрова словами:

Марина – защитникам Дмитрова (1 марта 1610 года):

«Что делаете, трусы! Я женщина, а не растерялась!» [11, с.45].

Жизнь Марины в Калуге, исполненная прежних ожиданий престола и короны, текла ровнее и спокойнее ее жизни в Тушине. Но это не успокаивало Марину, которая хорошо понимала, что пока Сигизмунд стоит под Смоленском и воюет с Москвою, Лжедмитрий II, оставаясь главою русской партии, ненавидевшей Шуйского, будет естественным образом сберегаем Сигизмундом как необходимое пугало Москвы.

В Коломенском Марина узнала о низложении царя Василия, постриженного собственными подданными в июле 1610 года. Но это низложение личного врага Марины вовсе не послужило к ее пользе, потому что 17 августа москвичи присягнули не Лжедмитрию с Мариною, а польскому королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда [11, с.50]. Вслед за тем прибыли в Николо-Угрешский монастырь парламентары Жолкевского, миролюбиво предлагавшие самозванцу упасть к ногам короля Сигизмунда и за подобное смирение получить в удел Гродно или Самбор. Выслушав такое предложение, Лжедмитрий отвечал: «Хочу лучше жить в крестьянской избе, нежели милостию Сигизмунда»; а Марина, пылая негодованием, с язвительною насмешкою сказала:

Марина – парламентарам Жолкевского (17 августа 1610 г. или немного позднее):

«Теперь слушайте мое предложение: пусть Сигизмунд уступит царю Димитрию Краков, и возьмет от него, в знак милости, Варшаву» [11, с.51].

Трон и корона уходили «из-под ног» Мнишковны, а князь Мстиславский, первое лицо Московской боярской думы, оповещая Россию о присяге Москвы королевичу, в то же время убеждал всех окружною грамотою от 30 августа 1610 года: «Марину Мнишкову, которая была за убитым расстригою Гришкой Отрепьевым и с нынешним вором по Московскому государству ходит, государынею московскою не называти и смуты некоторые впредь в Московском государстве не делати и отвести ее в Польшу».

«ПОКА ЗМЕЯ В НОРЕ, ПО ТУ ПОРУ И ПРОМЫСЕЛ НАД НЕЮ ЧИНИТЬ...»

В этой критической ситуации Марина не могла смириться с мыслью о необходимости отречения и стала подыскивать человека, с отвагою которого было бы ей выгодно соединить свою неутомимую энергию. Таким человеком казался Марине казачий атаман Иван Заруцкий, уроженец тарнопольский — личность смелая, ловкая и предприимчивая. Присматриваясь к Заруцкому, Марина поняла, что «в его неутомонной голове хватало сердца и смысла на все, особенно если предстояло сделать что-нибудь злое», — и начиная с осени 1610 года, вступила с атаманом в секретную связь. 11 декабря 1610 года Лжедмитрий II был убит во время охоты, а когда Марина родила сына, его провозгласили царем под именем Ивана.

Марина не противилась этому, как и положению вдовствующей царицы. Бывший в недавнем времени пленником казаков, Заруцкий легко переменял эти цепи на другие, которые он бодро носил до самой смерти. Несмотря на покровительство Заруцкого, князь Трубецкой, князь Черкасский, Бутурлин, Микулин и другие сановнейшие люди калужского двора не хотели служить ни «срамной вдове» двух обманщиков, ни ее сыну, и дали знать обо всем московской боярской думе, а в ожидании дальнейших распоряжений посадили Марину под стражу. Тогда только удостоверилась честолюбивая экс-царица в решительной несбыточности своих надежд и, забыв на минуту все остальное, думала единственно о сохранении собственной жизни.

Марина – Сапеге (декабрь 1610 года):

«Освободите, ради Бога, освободите! Мне дают жить только две недели. Вы славны; будьте еще славнее, спасая несчастную. Милость Божия будет вам вечною наградою».

Однако от Сапеге ответа не последовало, и, простояв еще день под Калугою, его отряд отступил. Тем временем Заруцкий привлек на свою сторону большинство ополченцев и, возгордившись приобретенным в Тушине боярством, рассчитывал не только воевать и править по-казацки, но и не оставляя мысли укрепить престол за сыном Марины, который жил с матерью в Коломне [1, с.364].

Многие историки склонны считать, что Заруцкий использовал Марину и ее сына от Лжедмитрия в качестве приманки для черни. Какова была истинная цель мятежа Заруцкого: царский трон Руси? Создание независимого государства на юге страны? Воцарение Марины? Анализ архивных документов дает ответ на это вопрос — интриги Сигизмунда III, настоящего врага российской государственности, который будучи стесненным оппозицией сейма и войной с Турцией, не мог открыто воевать с новым царем Михаилом Федоровичем и в целях поддержания смуты обратился через ротмистра Синявского с грамотою, в которой приглашал Заруцкого не оставлять Россию, вредить новому царю, обещая по заключении мира с Турцией организовать новый поход на Москву, а «покоривши ее, дать Заруцкому в вотчину Новгород Великий и Псков с пригородами или Смоленск и учинить его Великим у себя боярином или владетелем» [3, с.7]. В качестве места дислокации и сбора своих войск Заруцкий выбрал Астрахань как город, в наибольшей степени отвечавший его тактическим и стратегическим соображениям: удаленность от Москвы, возможность союза с волжскими и яицкими казаками, нагайским князем Иштирак-Бекком, шахом персидским Аббасом и султаном турецким, а главное, безопасное отступление морем [3, с.8].

Марина с любовником бежали до самой Астрахани, обдумывая новый фантастический план воцарения близ границы с Персией, в целях реализации которого Заруцкий установил дипломатические отношения с шахом персидским Аббасом и султаном турецким. В пользу такой версии свидетельствует тот факт, что Астраханское ханство еще при Иване Грозном было независимым государством, в котором были сильны сепаратистские настроения [1, с.411].

В апреле 1614 года в Астрахани вспыхнул бунт, подогреваемый жестокостью правления Заруцкого и слухами о репрессиях, грозящих ненадежным жителям города. Заруцкий и Марина, услышав о приближении московских войск воеводы Одоевского, 12-13 мая 1614 года бежали из Астраханского кремля по Волге до моря. Затем, поднимаясь по реке Яику (Уралу), нашли временный приют в казачьем городке на Медвежьем Острове у атамана Трени Уса, который смотрел на Заруцкого не иначе, как на ценную добычу, а точнее, предмет для торга, и во избежание кровопролития 25 июня выдал Заруцкого, Марину и ее сына царским войскам [3, с.35].

25 июня 1614 года Заруцкий, Марина и ее маленький сын Иван были этапированы в Москву через Астрахань и Казань. Конвой получил приказание в случае тревоги убить их: «Марину с выbledком и Ивашка Заруцкого побивши до смерти, чтобы их воры живых не отняли» [11, с. 62], и можно лишь догадываться, каким мучительным «крестным путем» оказался для Марины этот последний переезд. В Москве Заруцкого посадили на кол, а сына Марины, несмотря на юный возраст, повесили [11, с.62].

Относительно гибели самой Марины предания сохранили целый ряд версий, не подтвержденных архивными документами. Летопись замечает коротко, что «Маринка умре на Москве» [11, с.63].

ПРЕДАНИЕ О СОРОКЕ-ВОРОВКЕ

Результаты польской интервенции в Россию обсуждались на сеймах в Варшаве. На сейме 1611 года, как известно из документов, королю было предъявлено обвинение в том, что он начал войну с Москвою, не заручившись поддержкой сейма. Речь канцлера — Льва Сапеге — имела единственной целью публично оправдать короля и доказать, что вовсе не король виноват в этом, а другие (в первую очередь Мнишек и его сторонники), а король был вынужден втянуться в войну по необходимости [4, с.2].

На Варшавском сейме 1611 года королю были представлены пленные братья Шуйские. В защитной речи Дмитрий Шуйский упоминает о намерении Лжедмитрия I воевать с Польшей, а Мнишек выступал с обвинительной речью против пленных братьев Шуйских, называя их убийцами Дмитрия и бывших при нем поляков. Однако речь Мнишека не нашла сочувствия и поддержки сенаторов, напротив — воевода сам подверг обвинением в том, что поддерживал обманщиков.

На февральском сейме 1613 года обсуждались плачевные результаты русской ком-

пани: «В конце концов и престол, и все царство Московское было из рук выпущено и даром потеряно, Речь Посполитая, корона Польская, обременена бесполезно неоплатными долгами, государства опустошены, Речь Посполитая вовлечена в Вечную войну с этим народом и в большие опасности с других сторон; на короля Польского и на королевство его навлечены большое бесславие, позор, посрамление и прискорбное поношение» [4, с.13].

Многие острые вопросы, затронутые на сеймах, так и остались без внятных ответов: с чем и по чьему совету послали в Москву литовского гетмана Сапегу, который не принимал присяги; почему великих послов Московских вернули в Москву с дороги и задержали их, чтобы они не попали на коронный сейм; почему на сейме о московских делах мало или даже вовсе не упоминалось, и только «глаза всем затемнились дальнейшим продолжением московской войны»; с чьего ведома и совета нанято было немецкое войско, на которое собирались огромные поборы в короне и с какою пользою, поборы, которыми можно было бы продовольствовать польских жолнеров, более сведущих в войнах с москвитянами; чем послужили нанятые немцы, что хорошего сделали, ограбив Пруссию и Литву, «опустошив и в ничто обратив, плачем и сетованием наполнили Прусские и Мазовецкие, отчасти Мазовецкие и Подляшские края и закоулки» [4, с.15].

Никто их ясневельможных панов в горячих парламентских дебатах и словом не обмолвился о трагичной судьбе Марины Мнишек, послужившей столь неэффективным и уже не нужным орудием в руках польской знати и римского католицизма.

Примечательно, что в Самборе — отчине Марины — о ней не сохранилось никаких следов: ни документов, ни песен, ни преданий. В бернардинском монастыре Божией Матери, с которым семья Мнишек состояла в постоянных дружеских отношениях, уцелела рукопись под заглавием: «Acta seu Monumenta diversa». Листы документа, относящиеся к смутной эпохе, вырваны чьей-то безжалостной рукой, никакого намека на их содержание в других источниках не обнаружено. Сохранились лишь некоторые заметки вроде следующих: «В 1609 году московская царица Марина прислала серебряные паникадила изящной работы; 16 мая 1613 года, в день смерти Юрия Мнишека, внесена благодарственная запись незабвенному благодетелю монастыря» [5, с. 95].

Люди же московские окрестили Марину Мнишек сорокой-воровкой. Литературный сюжет «Сороки-воровки» — прост: героиню обвиняют в краже; подозрение имеет как будто полное право пасть на ее несчастную голову, чему наличествуют все основания. Строгий судья требует наказания неприступной красавицы; черные люди мелькают по сцене, глубокомысленно рассуждают о случившемся, невинную наслех осуждают и ведут в тюрьму. В пьесе открывается, что воровка не она, а сорока, — и вот героиня оправдана, справедливость торжествует. Действительность оказалась не такой благодушной и сострадательной, как драматические писатели. В Коломне существует предание: местные жители уверяют, что Марина была заключена в одной из башен древнего городского Кремля, стоящей у самого коломенского моста, где в 1615 году отошла в мир иной [11, с.64]:

*А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася,
И из палат она вон вылетала...*

Б и б л и о г р а ф и я

1. Валишевский К. Смутное время. Пер. с фр. Шепкиной Е.Н. - СПб.: Русская скоропечатня, 1911. - 434 с.
2. Герцен А.И. Сорока-воровка. - М.-Л.: Государственное издательство детской литературы, 1945. - 30 с.
3. Завьялов В.В. Заруцкий в Астрахани и на Урале. - Уфа. 1853. - 36 с.
4. Любавский М.К. Литовский канцлер Лев Сапега о событиях смутного времени. М. Издание Московского университета. 1901. - 16 с.
5. Пирлинг П. Из смутного времени. Статьи и заметки. - СПб.: Издание А.С. Суворина, 1902. - 276с.
6. Реестр подлинным письмам Самозванца Гришки Отрепьева под именем царя Дмитрия Ивановича и жены его Марины, урожденной Мнишковой. Библиотека графа Румянцова. №508.
7. Савич А.А. Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII века. ОГИЗ СО-ЦЭКИЗ, 1939. - 56 с.
8. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Издание третье. Часть вторая. Маскевич и дневники. - СПб. 1859. - 369 с.
9. Титов А.А. Дневник Марины Мнишек (1607-1609гг.) По рукописи Краковского музея князя Чарторыйского №1633. - М. Печатня А. Снегиревой, 1908. - 75 с.
10. Хиршберг А. Марина Мнишкова. Пер. Титова А. - М.: Издание Вахромеева И.А. 1908. - 375 с.
11. Хмыров М. Марина Мнишек. - СПб, 1862. - 64 с.